

БУДЬ АККУРАТНЕЕ С МЕЧТАМИ

ЦВЕТУЩАЯ ВИШНЯ

ЮЛИЯ САВАГАРИНА

16+

Юлия Горобец
Цветущая вишня

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горобец Ю. С.

Цветущая вишня / Ю. С. Горобец — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Представьте. У вас завтра сороковой день рождения. Вы смиренно готовитесь к этому событию, но в глубине души надеетесь на маленькое чудо. И это маленькое чудо случилось с Верой, когда однажды она проснулась вновь семнадцатилетней. Однако с лишними годами исчезла и ее дочь... И что же делать дальше?

Часть 1. «До этого»

Стрелки настенных часов, купленных еще восемь лет тому назад, раздражающе тикали.

Вера вытерла холодный пот со лба своей старой рубашкой, рукав которой был заколот булавкой, потому что она до сих пор не умеет пришивать пуговицы. За окном стояла непривычная майская духота, солнце припекало лицо и опаляло кожу даже сквозь пуховые облака. Еще вчера Вера собиралась купить новые занавески, но что-то пошло не так и поездку в ближайший магазин пришлось отложить.

В раскаленной сковородке потрескивало масло. Вера медленно, осторожно резала ароматный сочный перец мокрыми руками. Кожа на ее пальцах сморщилась от избытка влаги, но женщина уже давно не пользовалась кремами. Она уже давно не пользовалась какой-либо косметикой, подчеркивающей внешний вид или дорогими средствами для ухода за собой. Первая причина это, конечно, экономия, а вторая посильнее – она просто не видела в этом смысла.

Иногда ее действия прерывались, когда в голове вспыхивала какая-либо тревожная мысль. Сейчас, например: «Господи, я заплатила за газ вчера или нет?». Потом она вытирала руки о свою юбку, потому что забыла надеть фартук, и бежала к своей прикроватной тумбочке, в которой хранила все самое ценное, среди чего был блокнот, где она вела учет домашних дел: оплата коммунальных услуг, продукты, деньги на дорогу до работы...

И, конечно, деньги на карманные расходы дочери.

Кате вот минуло семнадцать лет, а через четыре месяца она поступит в одиннадцатый класс, где ей придется сдавать ЕГЭ, чтобы поступить в университет. Забавно, но Вера даже не знает, какие именно предметы она выбрала для сдачи и куда вообще ориентируется поступать. Они об этом не разговаривали. Не так, как положено разговаривать родителям и детям: долго, тщательно, серьезно. Она один раз спросила, куда бы ей хотелось поступить, а та отвечала просто: «Да посмотрим». И так Вера и не знает, «посмотрела» ли Катя куда хотела или нет.

Они не были похожи. Ни внешне, ни внутренне.

Катя унаследовала все, даже самые малейшие, самые неявные, черты отца: как лица, так и характера.

Девочка была вспыльчивая, своенравная, самоуверенная и до ужаса строптивая. Флегматичной Вере с ее замедленной реакцией, бесстрастностью во всех ее проявлениях, было сложно справиться с пылкой дочерью, которая была похожа на синее пламя, безжалостно испепеляющее все на своем пути, а Вера была тоненькой, иссохшей тростинкой, смиренно и безропотно принимающей смерть от огня.

Вера знала свою дочь поверхностно, как директор школы знает вон ту ученицу из десятого «Б», но этой информации ей было достаточно, чтобы понять – им никогда не построить крепкие взаимоотношения.

Вдвоем они живут уже четырнадцать лет, но эта невидимая стена с каждым годом становилась все крепче, и теперь обе понимали, насколько они бессильны перед ней. Разрушить ее невозможно.

Невозможно, потому что нет желания. Того желания, которое может обрести невыразимую мощь, способную снести любую крепость.

Такие формальные и безучастные отношения вряд ли кому покажутся образцовыми. Но, опять же, ни мать, ни дочь об этом не задумывались.

У Кати была своя подростковая жизнь, в которую она уж точно не собиралась посвящать мать, а Вера...

Вера была похожа на разбросанные по разным углам пазлы, и кто-то, кто ее так старательно собирал, потерял зрение и уже не может найти все части. Каждое утро она просыпалась не с мыслью о том, насколько ужасный день ей предстоит вынести, а с абсолютной пустотой

в голове и внутри себя вообще. Она открывала глаза, видя перед собой все тот же треснутый возле маленькой люстры потолок, думая ни о чем, пыталась встать с постели с болью в спине и ломотой в ногах, но не могла подняться еще минут десять. Она не могла не потому, что не выпалась или физически устала, а потому, что не знала, зачем. Не понимала, куда, с какой целью, для кого и для чего.

Жизнь ее была похожа на повторяющуюся серию неудачного сериала без определенного жанра. Работа, дом, скучные вечера за книгой или очередным фильмом, который крутят по телевизору, время от времени разговор с соседкой в лифте или случайно при встрече в очереди за продуктами, или по дороге домой. Вера не понимала четко, что с ней творится, что творится вокруг. Может, потому, что ничего конкретного и не творилось?

Как будто время остановилось или кто-то сверху каждый раз перематывал пленку, а она, как марионетка, безропотно выполняла установленные действия.

Часто она выходила на балкон, смотрела вокруг, стараясь не думать, как ненавидит то, что видит, но и это не помогало ей удержать наворачивающиеся слезы, спазм в теле и желание рассечь себе запястья.

Ей было тридцать девять лет, но она чувствовала, как углубляется дыра внутри нее, словно ей было всего-то двадцать или меньше. Тот самый подходящий возраст для депрессивного состояния, панических атак, суицидальных мыслей, желания уехать одним днем куда-то в горы и кричать, кричать, кричать, пока не порвутся голосовые связки.

Ее мучали бессонницы, она буквально жила на антидепрессантах и снотворных.

Катя была дома, но Вера всегда была одна. Всегда.

У нее не было никого, с кем ей так хотелось делиться своими переживаниями. Переживаниями, посеянными расставанием с мужем.

Он был ее единственной опорой, но он ушел. Ушел, и оставил ее одну с ребенком, который, как ни странно, не спасал ее от одиночества, а лишь наоборот угнетал ее положение.

Все эти четырнадцать лет были слабо окрашены радужными моментами в их семейной жизни. Было ли это действительно так, трудно сказать, ведь с тех самых пор, как она осталась одна с Катей, она уже не могла мыслить позитивно: любая неудача переносилась тяжело, она принимала слишком близко к сердцу даже малейшие пустяки.

Не стоит кричать: «Быть того не может! В жизни рано или поздно все-таки наступает светлая сторона!».

И с этим тоже спорить нельзя, это правда.

Светлая сторона в жизни Веры была.

Но ее нога на нее не ступала.

Когда выпадало время, Вера оглядывалась назад, но ничего не видела. Это как стоять посреди необъятного поля, затянутого густым, не просветным туманом и тщетно пытаться увидеть путь, который проложишь к той точке, в которой сейчас находишься. Так и Вера не могла вспомнить, когда и почему она оказалась в той жизни, которую сейчас проживала. Таковую хмурю, пустую, унылую, монотонную...

Очень часто она находилась в подвешенном состоянии. Она буквально чувствовала себя невесомой, не поддающейся гравитации и застрявшей между небом и землей, между прошлым и будущим, и, в то же время, не попадая в настоящее.

Вера постоянно медитировала, не осознавая этого. Занимаясь каким-либо делом, она упиралась в одну точку, например, на своих уже жилистых руках, и отрывалась от реального момента, переходя в какое-то измерение, далекое от материального мира.

Однако эти медитации не приносили ей ни облегчения, ни удовольствия. Наоборот. Они высасывали из нее энергию, изживая ее тело, и, когда ей приходилось возвращаться «обратно»,

она сгибалась от неимоверной усталости. У нее ломили конечности, она зевала, засыпала на ходу. А в голове пусто: ни мысли, ни звука, ни образа, ничего.

Где я? Кто я? Почему я здесь?

Но потом наступала истерика. Она роняла голову на грудь, горло ее перехватывали слезы, но глаза оставались сухими, как выгоревшие поля. Подчас она бубнила про себя, как будто кто-то сидел рядом, а она не хотела быть услышанной:

– Давай, давай, убивайся. Ну-ну, продолжай, да только некому тебя приласкать, некому утешить. Ной, ной, дави себя, души.

Где-то во дворе соседнего дома раздавались счастливые детские крики.

– Мальчишки, девчонки... Как им хорошо, я вижу, сейчас. У них все только начинается.

Потом она, устав сидеть на одном месте, возвращалась внутрь, в квартиру, которая досталась ей от матери.

Горько усмехаясь, Вера думала: «А что *мне-то* принадлежит? Что мне удалось добиться *самой*? Где *мое-то*?».

А из «своего-то» у Веры была работа в «Пятерочке» и семнадцатилетняя дочь, которая за мать больше принимала Крис Дженнер, мать «великолепных» Кардашьян, чем Веру. И от такого «богатства» было невесело.

Убираясь в маленькой квартирке с низким потолком, из-за чего она так плохо освещалась естественным светом, Вера пыталась хотя бы на несколько минут отвлечься от гнетущих мыслей, но зачастую такие дела лишь углубляли ее самокопание и, как следствие, самобичевание.

– Сама виновата, – кряхтела она, яростно натирая тряпкой пол, – бесхребетная, мягкотелая, хлипкая, рваная, как эта тряпка и такая же...

Каждый раз она балансировала на слабо натянутом тросе. Вот, сейчас подует какой-нибудь ветерок или стоит ей колыхнуться, как она сорвется.

Можно, стиснув зубы, тащить за собой скопившееся за день или два эмоциональное напряжение, но стоит споткнуться всего лишь об один маленький камешек...

Надрыв.

Что и случилось, когда Вера, нарезая капусту для борща, порезала палец.

Она ни пискнула, ни выругалась, словом, ни звука не издала.

Будто замороженная, она подняла указательный палец и принялась наблюдать за ленивой струйкой темно-алой крови. Когда она уже скатилась к ладони, Веру затрясло, горло сдавило, и она застонала, даже заскулила, как собака, на хвост которой наступили каблуком. Не управляя собой, она схватила нож и, закрыв глаза, приложила тыльную сторону лезвия к запястью.

Вот так, с этим порезом, треснуло терпение женщины.

И она почувствовала, как мириады его осколков вонзились в каждую клеточку ее существа.

Она медленно втянула носом воздух, а потом закричала, и сделала это нарочно, чтобы заглушить боль, которую собиралась причинить себе...

Но она не успела. Бросив нож в раковину ее заставил стук входной двери. Тут же на кухне появилась Катя.

– Ты чего тут делаешь? – Спросила она, смотря на мать, как на умалишенную.

– Что? – Переспросила Вера, тяжело дыша. – Готовлю, не видишь?

Катя окинула ее взглядом с головы до ног. Лицо матери раскраснелось и вспотела, как будто она стояла над паром.

– Ты орала так, что аж в подъезде слышно было.

– Я? Орала?

– Да

– Я... я порезалась, – она мельком показала ее палец, который сжимала другой рукой, – больно... вот.

Катя покачала головой, закатила глаза и развернулась, чтобы уйти.

– Есть не будешь?

– Не буду.

– Ты умрешь с голоду!

Но ответа не поступило. Кажется, дочь скрылась в ванной комнате.

Однажды, в десять часов вечера, Вера сидела на кухне и вышивала. Она и без какого-либо дела теряла счет времени, а сейчас и вовсе забылась.

Когда она случайно накололась пальцем на иголку и рванула за пластырем, ее взгляд случайно упал на часы.

– Где Катя?

Вместо того, чтобы позаботиться о своем пальце, Вера пустилась в поиски телефона. Но на звонки несносная дочь не отвечала, и когда волнение Веры возросло до такой степени, что ей стало тяжело дышать, она решила пуститься в следующие поиски.

Накинув на себя куртку, потому что этим вечером после дождя было слишком холодно, и выбежала из квартиры.

Около их дома, к досаде Веры, сломался фонарь, поэтому ей пришлось взять свой. Но ей не особо ей помог справиться с непроглядными сумерками, сгустившимися к этому часу (23:00). Вера стояла на крыльце и, выдыхая пар, беспомощно оглядываясь по сторонам, словно слепой котенок в поисках матери.

– Катя, – шептала она дрожащими от стужи и страха глазами, – Катя, Катя...

В крошечной тьме она вдруг услышала чей-то смех поодаль. А затем странный звук. Еще раз. И еще раз. Тишина. Тихо.

Вера спустилась с маленького крыльца. Направив фонарь в сторону лавочки (она помнила, где та находилась), Вера прищурилась.

Там кто-то был.

Видимо, ее дочь.

Да, да, ее дочь. Она сидела...

На ком-то еще.

Вера наморщила брови. Затем она направила луч фонаря ни лица людей, чтобы убедиться в тревожных догадках. И они, к ее ужасу, оправдались.

– Эй! – Взвизгнула Катя, прикрываясь рукой от света.

– Катя... – Испустила Вера тихий шепот.

Дочь ее быстро прыгнула с сидящего на скамейке парня. Тот, судя по неловкому кашлю, сильно смутился. Буркнув ей что-то на прощанье, он поспешил исчезнуть.

Вера подошла к Кате, гневно сжимая фонарик в руке.

– Да убери ты его! – Катя спрятала лицо от света.

– Ты что устроила?! Ты что устроила!

– Не ори, не позорь меня!

– Это ты меня позоришь! Ты видела время? Ты почему не берешь трубку? Где ты была? С кем? Кто это был?

– Тебе ведь не интересно, с кем я общаюсь!

– Это не общение, не общение! Вы... вы... вы эту скамейку...

– Опорочили, опорочили! Скажи это, ну! – Истошно прорычала Катя, дразня Веру, хотя та и не могла хорошо разглядеть язвительной мимики дочери. – Да какая тебе разница, что я здесь творю?!

Вера схватила дочь за плечо и встряхнула.

– Какая разница?! Что творишь?! Ты... – Она наклонилась к ней, пригнувшись. – Ты пьяная!

– Пьяная?! – Фыркнула Катя, отталкивая ее от себя. – Я тебя умоляю!..

– И будешь умолять, когда я закрою тебя в комнате, чтобы ты оттуда не выходила как минимум неделю!

– Чего-о-о?! – Протянула Катя в глубоком возмущении. – Я буду кричать!

– Ну, и кричи! Крики! – Вера топнула ногой и ударила фонарем воздух.

– Буду! – И Катя, напрягая мышцы, закричала пронзительно, оглушительно.

Вера вся задрожала от стыда и негодования. Она с опаской оглядывалась, боясь увидеть на балконе разозленных жителей. Она кусала ногти, орала на Катю в ответ (что с трудом ей давалось, ей, редко повышающей голос).

– О-о-о-о, замолчи! ЗА-МОЛ-ЧИ! – И она, зажмурившись, ударила ее по лицу со всей силы.

Крик девочки оборвался. Теперь был слышен только хрип, всхлипывание и тяжелое дыхание Веры.

Теперь темнота не помешала Вере увидеть испепеляющий взгляд горящих глаз дочери. Она держалась за щеку, дыша, словно разъяренный бык, и смотрела на мать с такой ненавистью, что у Веры в горле застрял горький ком.

– Понимаю, почему папа ушел от тебя. – Прощедла она, почти не разжимая губ, и, намеренно задев плечо Веры, ушла прочь.

«Я молюсь. Никогда этого не делала и, надеюсь, не буду. Но сейчас я молюсь. И молюсь тебе, Мама. Мама, мне сложно. Я не такая сильная, как ты. Посмотри на меня. Знаю, ты меня видишь. Оттуда вообще все видно хорошо. Взгляни на мое удрученное, изможденное лицо. О нет, я не каменщик, я не шахтер. Я просто тщедушная, «дрожащая тварь». Не справляюсь. Не выношу. Мне сложно смириться с тем, что моя жизнь пролетела, как маленькая мушка из окна. Так быстро. Так молниеносно. И взгляни. Через час мне сорок лет, а такое чувство, что я спала как минимум двадцать лет, и вот, проснулась – старая, не жившая ни дня. Не жила! Я не жила, мама! Я думала, что живу, когда Он был рядом, когда Катя только родилась, когда у нас была семья, или, – какая разница? – видимость семьи. По крайней мере, тогда я чувствовала смысл просыпаться. Думала, что знаю. А сейчас... Все пропитало горечью. Все сухо, как во рту во время страшной жажды. О да, жажды. Жажда. Испытываю это. Именно это. Мне бы воды. Воды глоток. Всего глоток... Знаешь... Знаешь, такой воды, которую я пила из колодца, когда мы ездили к бабушке. Ты помнишь? Она все подтрунивала, что козочкой стану. Ах, да лучше б козочкой! Я бы убежала куда-нибудь в поле, вольная, сильная, свободная. А что? Тиски. Кандалы на мои руках и ногах! А вот бы обратно... обратно...».

Слова оборвались в голове Веры. Она увидела на безоблачном небе мигающую звезду, медленно пересекающую пространство. Это самолет. До того он летел медленно, что казалось, будто он и вовсе стоит на месте.

Вера хмыкнула.

Неожиданно подул холодный ветер.

Сегодня ночь такая теплая и мягкая, как пару дней назад. Но оно и понятно. Ведь это перед ее днем рождения погода ухудшается. Сейчас, немного поносится ветер и нагонит тучи, а куда же без дождя в такой «прекрасный праздник»?

«Да, назад, – продолжила она внутренний монолог, – мне бы назад. Когда я... когда только молоко на губах обсохло. Пусть глупая, пусть наивная, неопытная такая, даже легкомысленная, но ведь юная... Еще юная. Цветущая».

Стало зябко. Поежившись, она, потирая руки, опустила глаза. Кто-то вышел из подъезда... Какая-то влюбленная парочка...

Вера мечтательно вздохнула.

«Да, я, может быть, и самое унылое млекопитающее на планете сейчас, но мне же... Мне тоже хочется романтики. Не такое, когда у тебя по триста романов за полгода. Оно зачем? Нет. Немножко. Совсем чуть-чуть. Маленькую щепотку любви. И ее жажду так долго уже от собственной дочери. Скажи, мама, я заслужила? Я такая никудышная? Что-то не так делаю? Тебе виднее! Ну скажи! Ну почему ты вечно молчишь?!».

Она ударила кулаком подлокотник (до того она так часто проводила на балконе кресло, что поставила сюда старое, обитое войлоком кресло).

«Будь она хотя бы снисходительной... А ведь она не просто равнодушная, она...».

И ей стало не по себе даже от мысли, что дочь может относиться к ней с презрением. Хотя, это было очевидно. Кто угодно догадается, лишь проследив за тем, как Катя смотрит на Веру, не говоря уже о ее обращении к ней.

Много раз Вера прокручивала в голове сценарии лучшей жизни, где она безмерно счастлива и всем удовлетворена. Вот она отдыхает на берегу океана. Вот они с дочерью живут в новостройке (чего Катя желала, кажется, сильнее). Вот она работает в каком-нибудь престижном месте. Вот они с Катей держатся за руки, болтают, даже сплетничают, словом, проводят свободное время так, как оно и полагалось. А вот и Он рядом. Ее бывший муж, но только нынешний.

Но потом она просыпалась, а вокруг все на своих местах. Вот и старая однушка, вот и ущербная работа с мизерной зарплатой, вот и неблагодарная дочь, готовая скорее поругаться, нежели наладить отношения с матерью. И вот ее ментальные расстройства, вот бессонницы, вот стресс, апатия, невращения...

«Не могу. Не хочу. Не надо так больше. Но ничего не могу поделать с этим. Я застряла, будто в трясине. Конченная. Это все».

Потом ее мозг отвлекся и принялся считать созвездия на небе. Но никаких особенных сплетений Вера не находила. Вон малая медведица, вон большая...

«Я имею право на желание. На желание, которое должно сбыться. Оно *обязано* сбыться. Хотя бы РАЗ в жизни кто-то там, наверху, должен меня услышать. Сделать так, как я прошу, хотя бы РАЗ! ОДИН РАЗ!».

Вера резко вскочила с кресла. Плед, что лежал на ее коленях, свалился на ноги.

– Я устала! Я хочу проснуться опять маленькой девчонкой, без работы, без прошлого, которое тащу на горбу, без ноющей спины, без этого клейма «матери-одиночки», вклеившегося мне прямо в лоб! – Рычала она, а пена собиралась в уголках ее губ. – А! Да! Не хочу дочери! Уберите это отродье! Не нужна мне дочь! Я сама, сама хочу быть девушкой, подростком, глупым, только вступающим в жизнь! Верните мне детство! Верните!

Вера не знала, к кому обращается. Крики ее растворялись в воздухе, почти морозном. Где-то на улице заревела сигнализация в машине.

Легкие Веры чуть ли не разрывались, она все жадно дышала, словно пробежала целый город без остановки.

Она достигла своего эмоционального пика. Если человек, это существо чувствующее, то Вера сейчас как никогда была живой.

Женщины вернулась обратно в комнату. Пометавшись из угла в угол своей спальни, она бросилась на кухню.

Там она нашла пачку снотворного. Налив себе граненый стакан воды, высыпав горстку таблеток себе на ладонь, она, чуть ли не укусив руку, зубами захватила пилюли. А потом стала пить, с трудом глотая. Струйки воды текли по ее подбородку и шее...

– Ты что делаешь? – Раздался голос за спиной. Вера, едва ли не подавившись, обернулась.

– Катя?

– Ты пьешь, как собака.

Вера, вытирая рот и нос, издала смешок.

– Спасибо. Наверное, так и выглядит со стороны...

Катя подошла к ней, смотря на нее странно.

– Ты чего?

– Тоже пить хочу. – Она опустила глаза и увидела коробку. – Это что?

– Это... лекарство.

– Ты заболела?

– Нет. Я... уснуть не могу.

Катя пожала плечами, слегка оттолкнула мать, чтобы та не занимала лишнего места, достала свой стакан и налила себе воды.

У Веры болело горло, в желудке крутило. Испугавшись этих неприятных ощущений, она поспешила к себе в комнату.

«Нужно лечь спать и все пройдет. Пройдет».

Переодевшись в старую ночную рубашку и штаны, Вера юркнула в узкую кровать, натянула на себя шерстяное одеяло и, свернувшись калачиком, зажмурилась так, что заболели веки.

«Сейчас... сейчас подействует».

На стенах оглушающе стучали стрелки часов.

Все раздражало Веру, все мешало ей успокоиться и расслабиться.

«Сейчас все подействует, сейчас я усну...».

И она потеряла сознание.

Часть 2. «После»

Глаза она открыла нехотя – слишком ярким был солнечный свет.

Проснувшись, она, лежа на боку, глубоко уткнувшись лицом в пуховую подушку. Повернувшись на спину, она откинула в сторону одеяло. Проведя рукой по животу, как она обычно делала, она с легким удивлением обнаружила... плотность? Она не знала, как это назвать, потому что обычно ее пальцы легко пересчитывали ребра и натыкались на острые бедренные кости. А сейчас... все было мягко, ровно, словно... словно за ночь она набрала несколько килограммов.

Вера нахмурилась, потом поднялась с кровати и потянулась. Сейчас она была приятно удивлена, так как впервые у нее не стреляло в спине и не ныла шея.

Почесав затылок, она отметила про себя необычайную густоту волос, а затем... затем, запустив в них пальцы, она поняла, что за ночь не только ее тело поправилось, но также волосам вздумалось удлиниться. Первая волна потрясения ударила Веру.

Сморгнув пелену в глазах, Вера посмотрела на будильник (будильник, который был подарен еще в детстве бабушкой) и моментально взбодрилась, поняв, что опаздывает на работу уже на целых два часа.

– Не может быть! – Вскрикнула она, когда увидела на часах «10:00». На секунду она задумалась над тем, как необычно прозвучал ее голос – более звонкий, более высокий, более сильный...

Несмотря на то, что Вера проспала, с кровати она спрыгнула (именно спрыгнула!) без труда и опрометью понеслась в ванную.

– Катя, вставай! – Прокричала она по дороге.

Не закрыв за собой дверь, она лихорадочно включила кран, набрала воды полные ладони и умылась. Выпрямившись, чтобы вытереть лицо полотенцем, она впервые за утро посмотрела на свое отражение. Пока вода стекала по ее бровям, ресницам, носу и срывалась с подбородка в раковину, она ошеломленно смотрела на свое лицо.

Какое она видела в семнадцать лет.

Это было уже не осунувшееся лицо, какое ей представлялось в зеркале последнее время, но румяное личико здорового цвета. Брови и ресницы густые, зеленые, – не болотные! – блестящие глаза; губы, по-прежнему тонкие, теперь были розовыми и нежными, а не бледными и потрескавшимися. Даже на носу, как и тогда, в подростковом возрасте, слабо виднелись веснушки – украшения Весны.

Лицо ее уже обсохло само по себе, пока она старалась рассмотреть каждую его черточку.

Вторая волна потрясения едва не сбила Веру с ног.

Она зажмурилась изо всех сил, так, что заболели глаза, и резко распахнула веки. Когда яркие пятна растворились, она увидела все то же подростковое лицо.

Отражение в зеркале никуда не исчезло, а она – не проснулась. Когда человек спит, он этого не осознает, какими бы ужасными видения ни были. А раз ощущения Веры были слишком реальны, и сама она пребывала в разуме, то все сейчас происходило наяву.

Вера закрыла лицо ладонями, затем отдернула их. Нет. Все то же, все то же, все на месте! Но не может быть, невысказано!

Она хлестнула себе по щеке, умылась еще раз, нарочно прикусила язык, зашипала все свое тело, но ничего не помогало.

– Что за бред?.. – У нее вырвался истерический смешок. Она поймала себя на мысли, что просто не может оторвать глаз от себя. Сейчас она, безусловно, не отдавала отчета в тех чувствах, что зарождались где-то на фоне паники и потрясения: то было удовлетворение и даже радость.

Нет, у нее наверняка помутился рассудок. Или зрение ее, в конце концов, покинуло. Иначе куда делись морщины, куда делись темные круги под глазами (ставшие ей верными спутниками последние несколько лет?)? Отчего ее обычно блеклая, серая кожа теперь светилась? Этого не могло быть на самом деле, это всего лишь галлюцинация. *Это галлюцинация.*

Когда все способы вернуться в реальный мир были исчерпаны, она выбежала из ванной в комнату Кати. Вчерашняя ссора забылась моментально, и, быть может, это происшествие объединит их? Нет, иначе и быть не должно!

Но в комнате было пусто.

Сердце Веры билось глухо, руки и ноги онемели.

Кровать была аккуратно застелена, одежда и игрушки, подаренные ей еще в раннем детстве, были расставлены по местам, а не как обычно – вокруг кровати; шторы закрыты, повсюду порядок и чистота, будто... будто...

Будто никто здесь никогда не жил.

– Катя... – Прошептала Вера, едва держась на ногах. Похоже, девочка ушла из дома после вчерашней размолвки! Это она виновата, кто же еще!

Не теряя ни минуты, Вера вернулась в гостиную и, отыскав телефон, стала дрожащими пальцами искать номер дочери.

– Да где же... где же... – Бормотала она в тщетных поисках. Это было более чем странно, но Вера не сдавалась: она набрала номер по памяти.

«Абонент временно недоступен...»

Вера нахмурилась, яростно взглянула на телефон и прокричала:

– Как это, недоступен?! Не может быть! – Она бросила телефон на кровать, а потом схватилась за голову. Нет, здесь...нет, здесь нет ничего мистического, уж здесь-то точно. Наверняка девочка просто разлилась и отключила телефон! Но где же ее искать?

– В школе, – осенило Веру, – точно, в школе!

И хотя рост Веры с семнадцати лет не менялся, формы ее в подростковом возрасте были намного округлее, чем в тридцать девять, и подобрать что-то из одежды было сложно. Но, к счастью, она смогла найти удобную рубашку и широкую кожаную юбку до колен, которую обычно носила на ремне (сейчас он ей не нужен).

А волосы!

Волосы! Они были такие длинные! И такие спутанные! Она так давно не расчесывала такие волосы, а Катя начала справляться со своей кудрявой копной уже лет в одиннадцать.

Вера отыскала деревянную расческу у дочери, подошла к собственному зеркалу и принялась осторожно водить ей по волосам. Они были теперь не темно-русые, а скорее каштановые; прядки на висках естественно завивались, а на лбу...

Прыщи?!

Приглядевшись и убедившись, что ей не кажется, Вера уронила челюсть.

– Что это?! – Прошептала она и потрясенно покачала головой. – Сто лет уже такого не было!

Помимо лба, больше никакая зона ее теперь свежего лица не была атакована. Вера аккуратно провела подушечкой указательного пальца от ложбинки между бровями по носу к его кончику, затем по губам, теперь более нежным, подбородку, а вскоре подключила вторую руку и стала как бы массировать щеки.

– Этого быть не может... – Шептала она, словно привыкая к своему лицу и теперешнему облику. – Это не реально... Это не может быть реальностью.

Когда женщине, теперь уже молодой девушке, все-таки удалось оторваться от своего нового отражения, она стремительно отправилась на поиски тем же мистическим образом пропавшей дочери.

Ей казалось, что она идет обнаженная, и каждый прохожий смотрит на нее в упор. Как будто бы она была маленькой девочкой, разукрасившей лицо маминой косметикой и вышедшей в таком виде на улицу – стыдно, неловко, неприятно.

Ноги у нее подкашивались, но энергия, подпитываемая стрессом, несла ее вперед.

В голове у Веры все крутилось: «Это сон, это сон, это сон...»

Но путь ее продолжался, время шло, а ничего не менялось. Она все в том же теле, в каком была десятки лет назад, а дочь продолжала игнорировать звонки.

Вот, наконец, подойдя к воротам школы, она замерла на месте, понимая, что это выше ее сил. Зайти туда, где кишели люди (дети, подростки, что еще хуже!), было поступком для нее немислимым и безрассудным, как если прыгнуть в нору с оводами.

Но что делать? Она потеряла дочь всего за ночь, а школа, этот муравейник, единственное место, где она может находиться.

Вот она вошла во двор и засеменила к крыльцу. Но стоило ей шагнуть на первую ступеньку, как вдруг распахнулись двери и оттуда, как пенное шампанское из прорвавшейся бутылки, хлынула толпа детей. Будто озверевшие, они не видели Веру и чуть не сбили ее с ног.

Вера опустила на колени и взялась за голову. Дети радостно кричали, что-то восклицали, вроде: «Ура! Карантин!», но Вера посчитала, что ей просто слышится.

– Девочка, ты чего, что произошло?

Вера подняла голову и увидела перед собой директрису школы. Да, она точно знала это лицо. Ее Вере пришлось навещать за последний год по несколько раз и, к сожалению, не для того, чтобы послушать комплименты, вынесенные ее дочери.

– Что случилось? Пожар? – Вера вскочила на ноги.

– Карантин. – Ответила та лаконично. Тучная женщина среднего возраста поправила свои кучерявые, кое-где поседевшие, волосы, и припустила очки, откровенно-оценивающим взглядом окидывая Веру.

– Карантин? – Вера оторопела. – В мае?!

– Так, ты из какого класса?

– А где Катя? – У Веры задрожало тело. Она совсем забыла о своей трансформации, и потупленный взгляд директрисы раздражал и пугал ее одновременно.

– Какая именно?

– Кондратьева, какая еще мне может быть нужна Катя?! – Вера едва ли не сорвалась в крик.

Директриса хмыкнула, пожала плечами и заглянула в журнал, который крепко прижимала к пышной груди рукой. Придерживая другой рукой очки, она внимательно проглядела каждую страницу, а затем сказала просто:

– Такой у нас нет.

Вера задохнулась.

– Как это, нет?

– Ну нет, нет.

Вера посмотрела вслед исчезающим за домами детям, потом перевела взгляд на открытую дверь школы, откуда только что начали выходить учителя. Они встречали Веру с удивлением.

– Наверное, девочка, которую ты ищешь, – обратилась к ней директриса, заметив растерянность Веры, – учится в другой школе. Ты, наверное, перепутала, вот и все.

Вера вонзилась в нее глазами.

– Думаете, – возмутилась она, – я не знаю, где учится моя дочь?!

Директриса смотрела на нее с приоткрытым ртом.

– Где моя дочь?! – Вскричала Вера, хватая за плечи женщину и тряся. – Отвечайте! Отвечайте!

Вера не помнила, кто и как ее оттащил от перепуганной директрисы. Но больше ей не позволили донимать ее, и не слишком вежливо прогнали за ворота школы.

Вера не помнила, куда пошла дальше. Покачиваясь, словно пьяная, она брела по улице, перебирая в голове случившееся.

Итак. Ей семнадцать, ее дочь пропала и все, кто знает ее, прикидываются в обратном. Разве в такое можно поверить?

Вера постоянно останавливалась перед окнами какого-нибудь здания, пытаясь уловить в них свое отражение, точнее, свое прежнее отражение. Но нет. Она видела перед собой молодое лицо, еще не усеянное морщинками или пигментными пятнами.

Странно, а ведь это должно радовать Веру.

Неужели это не то, чего она так страстно желала накануне своего дня рождения? Ведь она так отчаянно пыталась воззвать ко Вселенной, что трудно теперь жалеть ее. Ее можно лишь упрекать в взбалмошности, вот и все.

«Куда мне идти? Где мне ее искать? А есть ли она вообще в этом... в этом городе? Нет, нет. Надо вернуться, надо лечь спать, а когда проснусь – все пройдет, как простуда на губе. Нет-нет, это просто бред. Я перетрудилась давеча, а теперь вот... галлюцинации. Мигрень. Все неправда. Это неправда».

Но чем дальше она шла, тем яснее и четче осознавала свое новое, молодое тело.

Вот так вот, Вера! Надо было быть осторожнее с мечтами, ведь они имеют свойство сбываться! И на каждое желание свое время. А ты такая нетерпеливая и вспыльчивая! Нельзя

предъявлять претензия Вселенной, она этого не любит. Вот видишь, что случилось? Она одарила тебя сполна, как ты и заказывала, а ты по-прежнему недовольна?!

И так было всегда: если Вера и добивалась чего-то, то в скором времени жалела об этом.

Сейчас ее слегка ободряла мысль об исцеляющем завтра – что, если сила волшебства иссякнет на утро следующего дня? Тогда она проснется прежней...

Сорокалетней.

Неуравновешенной.

Работающей за гроши кассиршей.

Матерью-одиночкой.

Несчастной.

Вера застонала. Демоны терзали ее по сторонам, а она металась, не зная, в какой угол забиться.

Так она дошла до проспекта. Здесь и по будням всегда было много людей, в основном, молодежи. Было облачно, но довольно тепло. Легкое дуновение ветерка разносило по улице пряный аромат булочек и пирожных из кондитерских и терпкий запах полевых цветов, с которыми так желали расстаться бабушки-продавщицы, прикрывающие лица и головы огромными соломенными шляпами. Где-то недалеко играл бродячий музыкант на саксофоне что-то очень красивое, но тоскливое. Мимо шли люди: люди занятые, люди радостные, люди сердитые, люди живые.

Вера в этот момент почувствовала себя картонной декорацией, статуей, никчемным предметом посреди улицы. Она поняла, что мир вокруг нее не изменился. Высыхает цветок, но не все поле.

Вере хотелось подбежать к первому встречному и, встряхнув его за плечи, прокричать: «Эй, неужели вы не видите, что со мной?! Утром я проснулась маленькой, а ведь мне сорок, мне сорок лет!».

Она словно находилась в маленькой шлюпке после кораблекрушения в открытом, бушующем море. Это был неравный бой могучих волн и Веры – без весел, спасательного жилета и не умеющей плавать.

Покачиваясь, Вера дошла до первой лавочки и рухнула на нее. Закрыв глаза, она подставила лицо выглянувшему солнцу, которому она обычно предпочитала дождь или осеннюю прохладу. Руками она держалась за края лавочки. Ноги были вытянуты, пятки упирались в землю.

Тело ее полностью расслабилось, разум успокоился. Лихорадка отпустила сознание Веры, она с облегчением выдохнула.

– Господи, – шептала она, – как же сложно постоянно думать, думать, думать...

Интересно, а как часто и как много она думала, будучи семнадцатилетним подростком?

О нет, этот возраст совсем не подходит для глубоких и завышенных дум. Это время открытий – новых ощущений, чувств, возможностей, талантов, умений. Время, когда кирпичиком за кирпичиком прокладывается дорога. И какой сложной эта дорога может быть или, в конце концов, неправильной и бесполезной – не возникает и мысли.

Разве Вера не мечтала о том, чтобы вернуться обратно в свои лучшие годы? И никакой работы, никакого стресса, бессонниц, ссор с дочерью и...

И самой дочери.

Так почему же она не рада?

Почему ей по-прежнему одиноко, страшно, грустно и тяжело? Разве так оно должно было быть снова в юные семнадцать лет?

Однако в тот момент, пока Вера нежилась под солнцем, голова ее была пуста. Только неразборчивые картинки мелькали в сознании, не задерживаясь более чем на пару секунд.

В теле ее была пустота, словно все ее органы, кости и даже сама душа растворились, и теперь она была наполнена воздухом.

Сидела она рядом с открытым летним кафе, откуда доносились какая-то романтическая мелодия и усталые голоса уморившихся вкусной едой и жарой людей. Она не прислушивалась до тех пор, пока среди сплетений людских голосов не уловила знакомые нотки. Глаза Веры инстинктивно раскрылись, как у собаки, в чей нос резко ударил запах колбасы, которой дразнился ее хозяин. Выпрямившись, она сосредоточилась на этом звуке, который было так сложно уловить на расстоянии.

Та же интонация, тот же гортанный смех, те же вечно прерывающие разговор «а, наверное, наверное».

Ноги Веры онемели, сердце глухо забилося. У нее было состояние человека, услышавшего подозрительный шум в соседней комнате ночью, хотя он живет в квартире совсем один. Надо бы проверить – но не хватает смелости. Вот и сейчас Вера боялась обернуться, хотя для подтверждения догадок ей осталось сделать всего лишь один жест.

В нерешительности она кусала израненные ветром и теми же зубами губы. В конце концов, она преодолела саму себя и повернулась.

Сидела она совсем рядом с кафе и могла с легкостью разглядеть каждого его гостя. Так, ближе к улице и, следовательно, к Вере сидела пара мужчины и женщины. В основном разговаривал мужчина, аккомпанируя себе руками, а женщина кротко кивала да пила что-то из белой круглой чашки.

Вера прищурилась; в нее ударила молния.

Не владея собой, она поднялась со скамейки, в упор глядя на мужчину, чье лицо ей было прекрасно видно (у женщины она видела лишь голову и иногда профиль, когда она незаметно меняла позу или смотрела в сторону).

Вера тихонько качала головой, как бы отрицая то, что видела. Итак, это третье потрясение за день. Прекрасно, что же ее ждет дальше?

Те же рыжие густые волосы, та же широкая улыбка большого рта и две ямочки на правой щеке, жесткая щетина, родинка на верхней скуле той же правой щеки, богатой причудами внешности, пронзительные сапфировые глаза, такие лучистые, такие искрящиеся; Вера перестала качать головой, когда узнала в лице этого человека даже самые мелкие черты, например, шрам, рассекающий, – правую! – бровь, крупные веснушки на горбинке носа, и будто прыгающие брови, не попадающие в такт всей мимики лица.

У Веры перехватило дыхание; сердце теперь стучало оглушительно и быстро, так и норовя вырваться из груди.

Так странно видеть спустя четырнадцать лет своего бывшего мужа в момент кульминации разворачивающихся в ее скучной доселе жизни чудес, в которые Вера никогда не верила.

Так странно видеть его сейчас, в обычный будний день, в обычном кафе, где средняя цена за обед не равняется десяти евро, к чему этот человек явно привык.

Так странно ей видеть его после того, как отпустила последнюю надежду на эту встречу. Так странно.

Теперь перед Верой встал выбор: продолжить смотреть до тех пор, пока тот не заметит и ей придется обратиться в бегство или же...

Каким был второй вариант?

Что она могла еще сделать?

Это что-то должно контрастировать с первым вариантом. Это что-то должно противоречить даже самой ее, Вериней, природе. Это что-то должно пугать ее, наводить на ужас, удивлять, поражать. Действия, которые она не позволяла себе даже в самых смелых мечтах.

Этот выбор могла бы сделать... Катя.

Внезапно вся неуверенность, такое долгое время сковывающая Веру, превратилась в пепел. Он разнесся по ветру, оставляя свободное место для нового, ранее чуждого Вере качества, которое и толкнуло ее в тот момент на такой поступок.

Вера подошла к ограде кафе, уперлась в нее дрожащими руками и, наклонившись к мужчине, уставившегося на нее с приоткрытым ртом (до этого он что-то рассказывал своей спутнице), спросила:

И мужчина, и женщина вскинули брови, но промолчали, скованные удивлением. Женщина взяла чашку кофе (можно было догадаться по запаху) и облокотилась на спинке стула, как бы готовясь к представлению, заранее определив, что оно будет занимательным.

Мужчина же, наконец, обрел любопытство. Он слегка подался вперед к лицу Веры и сказал просто:

– Да, очень хорошо.

Веру задела его насмешливая реакция, но она попыталась не терять самообладание.

– Наверное, у тебя много свободного времени, и ты знаешь, как провести его с комфортом. Но странно, что ты выбрал такое... скучное место, учитывая твоё положение.

У мужчины вырвался смешок, а женщина улыбнулась, прикикая губами к чашке, не отпивая напитка.

Вера совсем перестала замечать его спутницу. В поле ее зрения теперь помещался один лишь он.

– Девушка...

– А ей ты уже все рассказал? – Вера кивнула в сторону женщины, не отрывая глаз от мужчины. – Ну, имею в виду, что ты любишь зеленый чай со сливками без сахара, сериал «Друзья», а в душе любишь петь песню Димы Билана «Против правил»?

Она выпалила это на автомате, но спутница успела уловить каждое слово и сглотнуть напитком вырывающийся смех. Мужчина же насторожился, а взгляд его напрягся словно тетива лука.

– Ты кто такая? – Вкрадчиво спросил он.

– А вы с ним уже достаточно долго или вы пока еще очередная попытка удержать статус неподражаемого обольстителя, каким он, возможно, был лет двадцать назад? – Вера, наконец, обратилась к женщине, повернувшись к ней лицом.

В тот момент Вера поняла, что сложно оттолкнуться на велосипеде и удержать управление лишь поначалу, а потом можно ехать, не держась за руль.

– Девочка, – она улыбнулась, – у тебя все хорошо?

– О да, – Вера закивала головой с таким видом, словно приняла этот вопрос серьезно и как искреннюю заботу. – У меня все хорошо уже четырнадцать лет. Но, возможно, мне было не лучше, чем ему все эти годы.

Мужчина теперь, не шевелясь, в упор смотрел на Веру стеклянными глазами. Улыбка уже не украшала его побледневшее лицо.

– Стойте! – Вера засмеялась, подняв указательный палец вверх, как учительница первого класса, собирающаяся объяснить какое-то обыкновенное явление, которое, однако, было трудно воспринимаемым для малышей. – Я знаю, кому было лучше всех эти четырнадцать лет! Догадываетесь?

Уже даже женщина, которая еще мгновение назад готовилась к веселой сцене, нахмурилась, слушая обезумевшую Веру.

– Конечно, – не дождавшись ответа, воскликнула Вера, – его дочери! Правда, Кит?

И она расхохоталась. Она расхохоталась так, как это делают душевнобольные, психически нездоровые, слабоумные. Она расхохоталась тем смехом, который слегка пугает здоровых людей.

«Кит» – так его называла Вера еще в первые годы их отношений, когда гнет брака не обременял их молодые плечи. Ему нравилось это прозвище, но с тех пор, как они разошлись, никто его так не называл. Или, по крайней мере, на тот нежно-шутливый манер, с каким это делала Вера.

Когда в ней еще была хоть какая-то страсть.

Или когда она еще могла откликаться на его страсть.

В общем, это было так давно, словно не с ними и не в этой эпохе.

– Дочери?! – Лицо его спутницы исказилось гримасой. Она уставилась на мужчину, всем видом требуя объяснений. Но мужчина находился в таком оцепенении, что никак не отреагировал на ее восклицание.

Он пристально смотрел Вере в глаза, но теперь уже не с тем выражением лица, что пару минут назад. Он находился в ступоре, и это отражалось в его глазах, приоткрытом рте и наморщившимся лбе.

– Никита? – Из гипнотического состояния его вырвал настойчивый голос женщины. – Ты это собираешься объяснять или нет?

Однако он продолжал ее игнорировать. Вместо ответа женщине, он наклонился еще ближе к Вере, принявшей самоотверженный вид, и прошептал:

– Катя? Катя, это ты?

Вера отшатнулась от изгороди, пряча глаза в землю.

Если бы она хорошенько обдумала план действий заранее, если бы она, при возможности, готовилась к этому разговору основательно, допустила ли она такой вариант развития событий?

Притворилась бы она своей дочерью?

Но ради чего?

Вера растерялась, не зная, как вести себя дальше. Она поняла, что зашла слишком далеко. Она заблудилась и не может найти путь назад.

– Катя? – Но Никите уже не нужен был ответ, ведь ее поведение твердо убедило его в догадках. Мужчина поднялся со стула, тупо повторяя. – Катя, неужели это ты?

Но Вера инстинктивно развернулась и пустилась в бегство. Никита стоял на своем месте, провожая ее ошеломленным взглядом. Спутница его скрестила руки на груди, сердито стуча носком туфли.

– И кто это был?

Никита ответил, казалось, спустя целую вечность:

– Моя дочь.

Убедившись, что за ней никто не следует, Вера остановилась, чтобы отдышаться. Восстановив дыхание, она стала осматриваться в поисках свободной лавочки, но такой не оказалось поблизости. Она решила спрятаться за ветвями старого могучего каштанового дерева от солнечного удара. Вытирая пот со лба, Вера подумала, что вспотела скорее от волнения, чем от бега.

Итак, Никита принял ее за Катю, то есть за свою дочь. И это не удивительно, ведь теперь Вера выглядит как ее ровесница. К тому же, она говорила такие вещи, которые не могла знать простая взбалмошная девчонка, которое было настолько скучно, что она решила продемонстрировать свое безрассудство простой парочке в летнем кафе.

Вера до сих пор видела перед глазами Никиту, будто пораженного громом, который шептал, едва шевеля губами: «Катя... Катя...».

Вере было интересно, о чем он думал тогда и сейчас. Он мог, конечно, вообще ни о чем не думать, но чувства не могли не вспыхнуть в нем. И, надеялась Вера, они сейчас душили его и отвлекали от всего вокруг, в том числе и от его спутницы.

– Конечно, – проговорила Вера вслух, согнувшись и упершись руками в колени, – такие, как он, и дня без интрижек не проживают.

Она думала о той женщине, брюнетке с идеальной осанкой, умело скрывавшей свой возраст косметикой (которая, что удивительно, не была отчетливо заметна). Эту женщину, видимо, он встретил не в метро, не где-нибудь на улице и даже не в том кафе. Выглядела она элегантно и, несмотря на старания Никиты раскрепостить ее своей болтовней, довольно сдержанно. Улыбаться ее как будто заставляли приличия, о которых она никогда не забывала, даже, казалось, в домашней обстановке.

Но когда она смотрела на Веру, зашедшей в своем поведении и речи чуть дальше положенного, была заметно, что она не лишена надменности и высокомерности. Она, казалось, не обращала внимания на сцену, разыгрываемую тогда Верой, но блуждала по ее телу оценивающим взглядом: как безвкусно, дешево и, словом, бедно одета эта девчонка! Что на нее сердиться, будто думала брюнетка в ту минуту, ее пожалеть надо и подать на пропитание!

Вера зажмурилась, заглушая нахлынувшие чувства стыда и унижения. В конце концов, не все ли ей равно, что эта особа думала?

Ей было важно сейчас разрешить проблемы, рухнувшие на нее, словно бетонный потолок посреди ночи.

Стоять на месте смысла не было. Нужно идти.

Идти.

Но куда идти?

«Домой».

А зачем домой?

«Нужно найти хоть какие-то признаки жизни Кати. Ее не могло стереть с лица Земли бесследно».

Кроме этого, она должна была проверить и свои вещи, которые могли подтвердить существование ее самой, но не как подростка, а как все еще взрослой женщины. Да, это было куда важнее, чем заботиться о мнении незнакомой дамы.

Так она снова побрела дальше, стараясь сосредоточиться на предстоящих делах. Но, как бы она не пыталась занять свои мысли, перед глазами у нее стоял Никита, в ушах звучали и ее, и его голоса одновременно, сердце то и дело сжималось, когда тело вновь переживало те же чувства, что и в тот момент. Это было сложно вот так оставить позади, как маленькое происшествие, сродни увиденной аварии на дороге: автобус задел бампер легковой машины. Пугающе, но не так впечатляюще.

Однако Вера погрузилась в раздумья настолько глубоко, что перестала видеть что-либо перед собой: голова ее была опущена так, что подбородок чуть ли не упирался в грудь. Какое-то время она была смешана с толпой, собирающейся на краю дороги, чтобы перейти после долгожданного «зеленого света», который, однако, не собирался загораться. Но так как она по-прежнему пребывала в трансе, она продолжила путь.

Лишь рев приближающейся машины урвал ее из забытья. Но Вера не успела спохватиться: уже слишком близко был несущийся автомобиль. Застывшая от холодного ужаса, пробравшего все ее тело, она смотрела на машину бездыханно, будто смирившись с неизбежным.

Но не успело это неизбежное произойти, как что-то снесло Веру с дороги, повалив на асфальт за проезжей частью. Она ударилась лбом и носом, из других частей тела больше всего пострадала рука: при падении она согнула правую руку до упора, прижав запястье к груди.

Никита приподнялся над ней, аккуратно повернув ее за плечи к себе лицом, чтобы проверить увечья. Кровь показалась на ноздрях, на лбу была сильная царапина. Она не сразу открыла глаза, а он заговорил:

– Катя, ты в порядке? Неужели ты не видела машину? Тебя же могли сбить, ты бы погибла!

Придя в себя, Вера оттолкнула его от себя.

– Тем лучше! – Огрызнулась она, стараясь не выдавать сильную боль в руке, которая, казалось ей, была сломана, и во всем теле. Когда Никита попытался подойти к ней ближе, она выкрикнула. – Уйди! Уйди от меня!

– Катя... – Он начал опасаться зевак. – Тише...

– Не буду тише, – Вера держалась за руку, и это не ускользнуло от его внимания, – видеть тебя не хочу еще одни четырнадцать лет!

– Прости, ты права, нам надо поговорить, – он снова постарался подступиться к ней, но это еще больше разожгло пламя ее ярости. Она даже подпрыгнула на месте, а глаза ее засверкали ненавистью:

– Не подходи ко мне, ты чужой, чужой! Всю жизнь испортил, всю жизнь! О-о-о!..

Никита растерянно смотрел по сторонам, с ужасом замечая интерес прохожих. Вон кто стоял у фонаря и, показывая на них пальцем, обменивался какими-то фразами. Никто не смеялся, но люди не были равнодушны.

– Катя, прошу тебя, – он осторожно подкрадывался к ней, как лев охотится за трусливой зброй, – успокойся, давай поговорим где-нибудь, прошу...

– Поговорим, – процедила она, глядя куда-то в сторону; затем она резко вонзилась в него взглядом. – О, я тебе все выскажу! Все выскажу!

И она набросилась на него с кулаками, которые действовали на него как детский резиновый молоточек. Она рычала, отбивалась от его рук, сходила с ума. А Никита все пытался ее успокоить всеми способами, которыми он только мог воспользоваться. В конце концов, он перекинул ее через плечо и понес в ту сторону, где находилась его машина.

– Пусти! – Кричала она, брыкаясь. – Зверь! Негодяй! Предатель! Мерзавец! Ненавижу! Ненавижу!

А Никита старался идти как можно быстрее, чтобы скорее скрыться от людей – еще больше заинтересованных.

– Только так и мог решать проблемы! – Продолжала она кричать.

Никита вдруг вспомнил их частые с Верой ссоры, когда, не в силах уже терпеть ее истерики, он забрасывал ее, как мешок, себе на плечо и нес, куда ему вздумалось. Это воспоминание, подкрепившееся словами, как он думал, Кати, заставило его остановиться и опустить девушку на ноги. Та продолжила его бить кулачками, пока не устала – не устала от самой себя.

Оба отдышались, и Никита спросил:

– Что ты сказала?

Вера, поправляя волосы и одежду, не смотрела на него.

– Кать, – окликнул он снова, – ты сказала... сказала там что-то про...

– Отстань.

Но Вера поняла, что его смутило.

Постепенно ее состояние пришло в норму: дыхание восстановилось, кровь отлила от лица, слюна снова стала выделяться.

«Чуть не выдала себя, дура».

Но к чему ей волноваться? Она никаким образом не может выдать себя, ведь у нее есть мощное оружие против всех Никитиных подозрений – ее облик.

– Прости, – выдохнул он, поворотив волосы, – прости меня... Ты поговоришь со мной?

– О чем? – Она смотрела на его кожаный ремень, опоясывающий джинсы.

– Как «о чем»? Обо всем.

– Надо было говорить об этом четы...

– ...четырнадцать лет назад, – подхватил он, – знаю, Катя, знаю! Но дай мне объясниться, дай мне...

– Оправдать себя? – Вера, наконец, посмотрела ему в глаза. – Ты сам себя слышишь? Сам понимаешь?

Никита не выдержал тяжести ее взгляда и отвернулся. Вера внутренне восторжествовала, но негодование не отпускало ее.

– Просто интересно, – бормотала она, нервно стуча ногой, – что же можно было делать столько лет, чтобы не суметь найти хоть часок свободного времени для встречи с дочерью.

Это словно возмутило Никиту, потому что голос его повисился:

– Ты многого не знаешь.

– Да ну? Оно и понятно, ведь...

– Я писал твоей матери, когда ее телефон перестал быть доступен даже для звонков. – Отрезал он ровным тоном. Вера взглянула на него и поняла, что он рассержен, и это крайне ее удивило. На что он сердится, спрашивается? И какое право он имеет на это? Как только у него хватает совести себя защищать, отстаивать честь, высохшую слезами на ее щеках, которые она проливали ночами, когда его не было рядом?

– Да как ты смеешь? – Прошептала она, сжимая кулаки как для очередной атаки.

– Я звонил, вернее, пытался дозвониться, но твоя мама...

– Не звонил ты мне!

Никита оторопел.

– Я... я этого и не говорил. Я звонил маме.

Вера повернулась к нему спиной, чтобы не выдать себя прорвавшейся на лицо гримасой. «Проклятье!» – подумала она и чуть слышно стукнула себя по лбу.

Никита воспользовался моментом, чтобы незаметно сузить расстояние между ними. Когда Вера обернулась, он уже стоял на колене.

– Катя, – он тяжело сглотнул, – знаю, ты меня ненавидишь. И... и ты имеешь на это право. Прости. Я... прости. Мне так жаль, я...

Вера сама шагнула к нему, наклонилась так медленно, словно боялась спугнуть муху, за которой следила, и, глядя ему прямо в глаза, спросила вкрадчиво:

– Тебе жаль?

– Да.

– За что ты просишь прощения?

Он поколебался.

– За... всё.

– За что «за всё»?

– Катя...

Состояние ее достигло той стадии, когда тело перестает реагировать на негативные эмоции, кипящие внутри, но остается лишь что-то вроде зуда во всем теле – так зудят нервы уставшего от стресса организма.

Вера взяла лицо мужчины в ладони и, буравя его глазами, проговорила так же низко и ровно:

– Невозможно.

Никита все стоял на колене и смотрел ей в потемневшие глаза, сдавленно дыша. Эта девочка вселила в него то леденящее душу чувство, которое он раньше, казалось, не ведал. Ему стало не по себе.

Но поведение девочки и эта сцена навеяли ему какое-то далекое воспоминание, которое прежде не посещало его память, похожую на старый сундук, спрятанный на чердаке и покрытый пылью и паутиной – ибо его так давно не касалась человеческая рука.

Прикосновения маленьких рук, этот пронзительный взгляд и голос, так выразительно произносящий всего одно лишь слово, заменяющее тысячи...

И он, стоящий на колене...

Кажется, когда-то давно ему часто приходилось упираться коленом в пол или в землю и стоять так подолгу, пока все не разрешится...

Мужчина все смотрел в эти болотистые глаза и не мог понять, что за воспоминание она в нем пробудила. Размытые картинки проплывали в его голове, но он не мог собрать их в одно целое. Глаза, руки, колено, голос...

Грудь его сдавил спазм.

Он осторожно коснулся ее рук, но не отнял их от своего лица. В ту секунду ему показалось, что взгляд девочки прояснился, а сама она изменила свой облик на мгновение и превратилась в совершенно другого человека. И тогда с его губ невольно сорвалось, словно отдаленное эхо в лесу, одно лишь слово:

– Вера...

Девочка ахнула и резко отпрянула от мужчины, отворачиваясь, чтобы он не видел ее лица.

А Вера, тем временем, дрожала и всеми силами пыталась подавить румянец на щеках. На щеках? Да она вся пылала! Как успокоиться, как снова овладеть собой?

Спустя недолгую паузу она вновь услышала его голос за спиной:

– Ты... ты так похожа на свою мать.

Странно, но почему-то Вера не почувствовала облегчения. Ей даже стало слегка досадно: она будто разочаровалась в том, что он ее... не признал по-настоящему.

Да, возможно, ей хотелось, чтобы он узнал ее – узнал Веру, ту Веру, прежнюю Веру, а не ребенка. Ах, если бы хоть кто-нибудь, даже этот презренный человек, узнал ее, принял ее, понял, что она – это Вера!

Но она не могла, боялась, не позволяла самой себе признаться в этом желании.

Но уже не могла сдерживать себя.

Чувства захватили ее.

Она хотела, чтобы он перестал принимать ее за Катю. Она не Катя! И ей не нужны эти подлые игры, в которых ловок только он. Все эти хитрости чужды ее натуре! Она не умеет лгать, не умеет играть, как актриса, не умеет манипулировать, не умеет...

«Ты так похожа на свою мать».

А ей так хотелось выкрикнуть: «Да потому что я и есть она! Я Вера! Вера! Я – ВЕРА!»

Но разум ее был сильнее сердца, и здравомыслие все же укротило ее горячность. Она услышала саму себя: «Поверь, будет лучше оставить его в неведении. Но ни к чему его отталкивать теперь».

Вера повернулась к нему, но ничего не сказала. Она ждала.

– Я подвезу тебя домой? – Но этот вопрос прозвучал утвердительно.

Вера кивнула.

Они молчали всю дорогу.

Неловкость разбавляло негромкое радио, которое обычно раздражало Веру, но не в этом случае. И хотя радио позволяло немного отвлечься от гнетущих мыслей, Вера, да и Никита тоже, не могла полностью расслабиться.

Они оба были скованны, как будто им обязательно нужно было о чем-то говорить, но у них не получалось.

Между тем гнев и все ему сопутствующие эмоции понемногу отпускали Веру. Ей больше не хотелось ругаться, спорить, доказывать. Будто она так тщательно рассматривала картину, как вдруг заметила загадочную деталь, без которой смысл произведения был неясен или же воспринимался иначе.

Но теперь она чувствовала тупое отчаяние сдавшегося человека. О да, она сдалась, сдалась тому, кого так сильно презирала и кому так страстно желала отомстить. И на что ее хва-

тило? На маленький, молниеносный скандал посреди проспекта? Она ведь ничего не добилась, не удовлетворилась. В итоге сама попала в сети, которые плела для жертвы, да еще и покорилась. Замечательно!

– Останови здесь. Там дальше не проедешь.

– А далеко тебе идти будет?

– Ты, конечно, уже и забыл все.

Она все же дала ему адрес дома, в котором они жили. Никита знал, что это дом ее, Веринной, матери всегда, но за долгие годы отсутствия фотографическая память начала ему изменять.

– Да... забыл... – Виновато признал он, выглядывая из окна на улицу. Он не стал задумываться над ее словами, хотя и было странно, откуда Катя осведомлена об их с Верой жизни. Может быть, они с матерью в таких тесных отношениях, что у них почти нет никаких запретных тем для разговоров? Что ж, это хорошо (и отчасти плохо), что она так много знает о своем отце...

– Я пойду, – сказала она натянуто и с небольшой неохотой в голосе, которой сама удивилась. Вера открыла дверь, но нарочно медлила, дожидаясь его действий.

Никита все колебался, и необъяснимый страх сдерживал его. Но, когда она уже переступила через дверь машины, он быстро схватил ее за руку, надеясь, что не грубо, и сказал:

– Катя.

– Что?

– Как там... – И он осекся, все не решаясь.

– Кто? – Она пытливо смотрела ему в глаза, а ее собственное сердце бешено колотилось.

– Мама, – выдавил он, и ему словно стало легче, потому что язык его сразу же развязался. – Как она? С ней все хорошо? Она не болеет?

Вера дрожала, глядя в это лицо как будто впервые. Время его не обидело, с горькой усмешкой подумала она, отводя взор в сторону. А морщинки в уголках глаз у него были и по молодости – такая вот особенность. Она заметила в рыжих волосах проблески седины, но и это было украшением его столь необычной внешности, так что вряд ли это можно считать ударом зрелости. Все в нем было гармонично и очаровательно, что ей стало даже обидно. Ведь она с годами не молодела и уж тем более не становилась красивее. И откуда такая несправедливость?

Она дернула рукой так, чтобы он убрал свою руку, и проворчала:

– Какое это имеет значение...

– Имеет, – вставил он, едва она закончила. – Имеет.

– Неужели? – Она посмотрела на него с ироничной улыбкой. – Откуда такая забота? С чего?

Он растерянно повел глазами из стороны в сторону, лихорадочно пытаясь придумать ответ. Но она ввела его в ступор!

– Ага, – Вера кивнула, – не можешь ответить. Потому что не любил никогда.

– Любил... – Голос его звучал так глухо, словно принадлежал провинившемуся мальчишке, наказанному и поставленному в угол.

– Нет, – отрезала она резко и раздраженно.

– Я любил, Катя, я...

– Нет, – она повернулась к нему, сверкая глазами, – не любил, ты меня никогда не любил!

Никита оторопело молчал. Вера порывисто задышала, как выброшенная на берег рыба, и тут же вылетела из машины, стукнув дверью.

Никита даже вслед ей не смотрел, с трудом переваривая случившееся еще мгновение назад.

На ватных ногах Вера добралась до своего дома. В этот раз лестницей она не воспользовалась, так как совсем не осталось сил. Истощенная, она едва вползла в лифт и нажала на нужную кнопку. Пока она пыталась достать дрожащей рукой ключ из кармана юбки, Вера слышала приближающиеся шаги на лестнице – неторопливые и тяжелые. Эти шаги сопровождались негромкими женскими голосами, сплетенными в каком-то повседневном разговоре.

Уже вставив ключ в замочную скважину, Вера обернулась, чтобы посмотреть, кто это был. Соседки напротив, которые с таким любопытством осматривали ее сегодня утром, возвращались домой.

Они понизили голоса до шепота, так, чтобы ни единый звук не донесся до Веры и, искоса поглядывая на девушку, принялись что-то (а вероятнее, кого-то) обсуждать.

Когда Вера скрылась в квартире, встречая их бесцеремонные взгляды, они повысили тон:

– Да кто ж эта девчонка?

– А заметила ты, как она похожа на Верку?

– Да?

– Ага. Неужели не заметила? Глаза такие же, мне кажется, и веки точь-в-точь. Только эта маленькая еще...

– Может, у Веры есть младшая сестра, которую она скрывала?

– А с чего сестру-то скрывать? Скорее это дочь. Дочь-то можно скрывать – по некоторым причинам.

– Интересно, по каким?

– Да мне кажется, что...

Их сплетни унеслись вглубь квартиры.

Оказавшись наедине с самой собой, Вера сразу же отправилась в гостиную, дабы отыскать личные документы. Ее поиски не увенчались успехом, заставив ее беспрестанно твердить: «Не может быть, не может быть, не может быть, не может быть...».

Так, не было ничего, что свидетельствовало о ее фактическом существовании. Она была полностью уверена в наличии хотя бы паспорта, ведь она всегда знала точно, где он находится. Но и его не было в квартире. Она обыскала все, перевернула дом вверх дном, но ничего не смогла найти. Тогда ей пришла в голову мысль, что ее обокрали, пока она была в поисках дочери. Но она не приняла ее, так как никаких следов кражи не было.

– Меня тоже, что ли, не существует, – тяжело дыша, говорила она с истерическим смехом. Что происходит? Что за безумие? И почему именно с ней?

Она сидела на краю кровати, осматривая бардак, устроенный ей же, в комнате. Внезапно она вскочила и бросилась к зеркалу, дабы проверить, не вернулась ли она в прежнее состояние. Но в отражении она все еще видела маленькую Веру: чувствительную персиковую кожу с подростковыми покраснениями, розовые губы, испуганные глаза. Единственное, что ее радовало в этой перемене, это густые длинные волосы, по которым она так скучала. После рождения Кати ей пришлось распрощаться с любимой гривой. С тех пор у нее не получилось вернуть прежнее достоинство, и это было первым камнем, брошенным в нее жизнью.

Вера, казалось, успокаивалась, пока ласкала собственные волосы. Она улыбнулась, расплетая косу и расчесывая крепкие пряди пальцами.

Она подумала, что у нее помутился рассудок, но не смогла остановиться. Это занятие и правда расслабляло ее, уводило от проблем, непосильных ее плечам, и даже убаюкивало.

Но спать ей было некогда.

Закончив заново знакомиться со своими волосами, Вера продолжила всматриваться в свое лицо, словно видела его впервые. И тогда ей показалось, что она не помнит, как выглядела еще вчера.

– Неужели я так сильно изменилась, что он не узнал меня? – Проговорила Вера вслух, удивляясь, как певуче звучит ее теперь молодой голос.

Поняв, что пустое разглядывания своего лица ничем ей не поможет, она направилась в комнату Кати, в которую без спроса заходила лишь затем, чтобы убраться. И даже этого было достаточно, чтобы возбудить неукротимый гнев дочери.

В комнате было темно и холодно. Шторы были затворены, солнце не проникало сквозь них и не согревало своими лучами. Но Вере показалось, будто на улице зима, а во всей квартире неотапливаемым местом было только это.

Помедлив несколько секунд, она сразу стала вспоминать, где хранились ценные документы в спальне дочери. Для начала она решила обыскать прикроватную тумбу. Не найдя там ничего, что было бы полезно, она бросилась к столу, служившему Кате и как туалетным, и как рабочим одновременно.

Она выдвинула все ящики, но находила лишь...

– Хлам. Господи, я же говорила, ну уберись ты, уберись в комнате, что за вечная помойка, веч...

Тут она наткнулась на цветастую книжку в твердом переплете. Она не была похожа на школьный дневник, но хранила в себе записи более личные.

Вера не понимала, откуда в ней проснулось влечение к этой вещи и не знала, как отбросить ее в сторону и продолжить поиски документов. Подсознание укоризненно нашептывало ей: «Ты же сама прекрасно понимаешь, здесь документов нет. Но зачем же ты сюда полезла? Ты знала, что здесь хранится совсем другое. Чего теперь стыдиться, когда дело начато?».

Вера оглянулась, как будто опасалась неожиданного прихода дочери. Совесть и любопытство вступили в схватку. Веру терзали сомнения. В конце концов, она подчинилась грехам и открыла книгу где-то посередине.

Первая запись, что бросилась Вере в глаза, начиналась так:

«Лучше б она меня была».

Вера зажмурилась, как будто увидела что-то страшное или омерзительное, но вскоре заставила себя продолжить, не понимая до конца, зачем:

«Не понимаю, почему она себя так ведет. Черепаха. Вечно прячется. И не важно даже, где прятаться. Вон Ксюха с мамой и в кино ходят, и на маникюр, а недавно она рассказывала, как они в кафе ходили... А с моей и поговорить нормально нельзя. Вечно кислая мина, как будто жизнь обидела. И ее-то обидела? Это она меня обидела, меня! Уже не могу здесь жить, не могу здесь...».

Вера яростно перелистнула несколько страниц вперед, будто желая пропустить все плохие записи о себе. Глядя на даты, она понимала, какие были ближе к настоящему дню. Она быстро пробежала глазами по страницам, выскивая знакомое «мама», а если этого не было, просто искала дальше.

Но редко где это слово не мелькало. И, к глубочайшему сожалению и разочарованию Веры, отзыв всегда был негативным.

«Попросила денег на концерт. Ну да, пять тысяч. Но это же моя любимая группа! Ну как она не понимает?! А, да она, наверное, в молодости вела такой же затворнический образ жизни. Только за хлебом ходила, наверное. Как она вообще папу-то встретила? Или он доставщиком пиццы был? А кем он был вообще? Кто он? Никита. Это все, что я знаю. А фамилия-то мамина. Даже с фамилией зажданичала. Черепаха».

Каждая запись, каждое предложение, каждое слово больно врезались Вере в сердце, словно острые спицы. Но, ведомая каким-то яростным чувством, она продолжала чтение.

«Мне очень нравится Марк! И я ему тоже! Он, конечно, не говорил, но иначе быть не может. Я что, не вижу, как он на меня смотрит? А ведь это самый красивый мальчик в школе! А какой он крутой! И спортом занимается. Что бы он мне ни предложил, я бы на все согласилась. Я бы даже...».

Вера быстро перелистнула страницу, тошнота подступила к ее горлу. Позабыв о прочитанном секунду назад, она приступила к другой записи:

«Ну-у-у, это все! Сил моих нет больше! Терпения нет! Все! Все!!!

Я ЕЕ НЕ-НА-ВИ-ЖУ!

Черепашка обозленная, сухая и черствая!

Позвала друзей посидеть, Марка тоже позвала, он бы с минуты на минуту пришел, так она ворвалась и давай орать! Сумасшедшая! Ух, ненавижу, все испортила, как обычно! Ничего другого от нее не дождешься! Только портить может, портить мне жизнь! Сначала эта хрущевка, потом утаивание отца, теперь вот это все! Я очень злая, не могу описать! И все из-за нее!

Да лучше бы она У-М-Е-Р-Л-А».

Что-то внутри Веры упало в самую бездну ее существа, лишив ее чувств и забросив в оцепенение. Она не заметила, как опустилась на пол, положив раскрытую книгу себе на колени. Взгляд ее потупился на невидимой точке на стене. Она ни о чем не думала.

Затем Вера растянулась на полу, раскинув руки в стороны, а книга лежала у нее на животе. Она смотрела в потолок, пока в голове ее стучало: «Да лучше бы она умерла».

За окном сгустились сумерки.

Вскоре Вера не смогла видеть даже потолок, потому что в комнате стало слишком темно. Страх подтолкнул Веру подняться на ноги и включить свет в комнате. Потом она подошла к окну, раскрывая шторы и с удивлением встречая поздний вечер.

Приближение ночи встревожило Веру. Она на минуту забыла о дневнике дочери и, не желая больше оставаться в этой комнате, вышла.

Темнота была повсюду. Охваченная необъяснимым страхом, Вера везде включила свет, не оставляя нигде темных мест. Ей было по-детски страшно и так сильно хотелось спрятаться у кого-нибудь в объятиях, обещающих защиту, опору, любовь.

И еще этот дневник...

Вера не знала, куда ей деться. Нетрезво она ступала на ноги, опираясь руками о стены и шатаясь. Снова она подумала, что бредит и что все-таки это неправда, неправда, неправда...

Гонимая страхом и отчаянием, тоской и одиночеством, она зашла в ванную комнату. Набрав ванну горячей водой, она сняла с себя юбку, но оставила рубашку. Так она залезла в воду, аккуратно и неторопливо, чтобы не выплеснуть ее через края.

Все ее тело покрылось мурашками, даже лицо. Вера напрасно считала, что здесь она будет в безопасности, ведь навязчивые мысли не остались за дверью этой комнаты.

Перед глазами Вера видела, как Катя жирно выделяет ручкой каждое слово, будто вкладывая в него всю свою ненависть. Как она презренно фыркает, вспоминая о матери, как она злится, бьется в истерику. Но как она сардонически улыбается, завершая текст предложением: «Лучше бы она умерла».

У Веры вновь заныло сердце. Она схватилась за края ванны и, зажмурившись, полностью погрузилась в воду. Сначала она инстинктивно задержала дыхание, но потом попыталась вдохнуть. Она сразу же вынырнула, откашливаясь.

Вода выплеснулась на пол.

Когда Вера смогла нормально дышать, продолжая чувствовать боль в носу, она стала лихорадочно думать о другом пути сделать это. Что именно, она сама смутно осознавала.

Вера даже вылезла из ванны, чтобы найти подходящую вещицу. Вода стекала по ней, особенно градом она лилась с потяжелевшей рубашки, которая плотно прилипла к ее мокрому телу, и с волос.

Схватив бритву, Вера вернулась в воду, и очень долго смотрела на этот устрашающий предмет, который должен был ей помочь.

Помочь в чем?

Вера не решалась даже ответить себе на то, что собиралась сделать.

– Лучше бы я умерла, лучше бы я умерла, – бормотала она, не в силах забыть ту строчку. Она вдруг почувствовала вину перед дочерью, что заставила ее написать такие жестокие слова. Может, если бы она вела себя иначе, то и отношения между ними сложились бы по-другому?

– Если тебе так хотелось... если тебе так *хочется*, – и Вера, стиснув зубы, прижала лезвие к запястью. Задержав дыхание, она резко дернула рукой в сторону. Она не почувствовала явной боли, но само действие привело ее в такой ужас, что она закричала и едва не расплакалась. Но потом, словно зараженная, не могла уже остановиться, пока вовсе не потеряла сознание.

Когда Вера открыла глаза, она не сразу поняла, что все еще лежит в ванне. Комната была залита каким-то пурпурным оттенком, как будто стены и потолок отражали кровь. Вера не успела оценить свое самочувствие, потому что внимание ее привлек скрип двери. Она повернула голову в сторону и увидела Катю: она стояла, сердито скрестив руки на груди, и укоризненно смотрела на лежащую в воде мать.

– Ну, и что ты там лежишь?

Вера сразу же выпрямилась, готова тут же выползти из ванны.

– Мне, вообще-то, уже пора.

Голос дочери звучал как-то отдаленно, будто она находилась не рядом с Верой, а где-то в подъезде.

Катя исчезла, а Вера незамедлительно последовала за ней (не забыв, однако, надеть перед этим юбку, лежащую возле раковины).

Мокрая, она шла к выходу из квартиры, потому что дверь была настежь открыта. Не закрыв ее и при выходе, она направилась к лестнице, так как заметила поднимающуюся по ней дочь.

– Катя! Подожди меня! Не надо так быстро!

Но та поднималась такой скоростью, будто спешила на автобус.

Вера замерзла, ей было тяжело из-за мокрых волос и рубашки, да и само тело, особенно руки и ноги, никак не обсыхали. Как будто она все еще находилась в воде.

По пути вверх Вера недоуменно оглядывалась по сторонам. Она что-то не припоминала этих стен, не бледно-зеленых, а ядовито-желтых, не припоминала номеров этих квартир и деревянные двери. Разве это ее подъезд?

И сам дом казался бесконечным. Они все поднимались и поднимались, но никак не могли достигнуть конечного этажа.

Вера отвлеклась и совсем упустила дочь из виду. В один момент она вообще исчезла, и это заставило Веру ускориться.

В конце концов, Вера достигла выхода на крышу. Она выбежала, и ее чуть не сбил с ног порывистый ветер, бьющий сильными толчками. Раздираемая страхом, Вера бросилась вперед, затем к другой стороне крыши.

Но она тут же застыла, едва увидев стоящую на краю крыши Катю. Ее густые рыжие волосы развивались на ветру, юбка надувалась. Руки ее были разведены в стороны, как будто она встречала друга.

– Катя, – окликнула ее Вера осторожно, чтобы не спугнуть. Но голос ее смешался с воем ветра, и она позвала дочь снова. – Катя! Катя, что ты там делаешь?

Дочь медленно повернула к ней голову, оставив корпус неподвижным.

– А тебе-то что?

– К-как что... – Запиналась Вера, подступая к ней мелкими шажками. – Я же... я... Катя, с-спустись, пожалуйста, не надо...

– А почему нет? – Она засмеялась, закинув голову назад. Вера с ужасом смотрела на то, как тело ее пошатывается от ветра, и ей хотелось кинуться к ней и стащить с высокого

бордюра. Но что, если она все испортит этим? Что, если это очередные выходки дочери, и Вере просто нужно набраться терпения?

– Катя... Спустишь, – повторяла она, но уже без дрожи в голосе, – я прошу.

– Да плевать, что ты там просишь.

Почему-то эта фраза хлестнула кнутом Вере по сердцу, и из глаз ее брызнули слезы.

– Зачем ты так со мной, – она закусила губу, – неужели ты не видишь, кто я? Почему ты не хочешь быть со мной заодно?

Катя не отвечала, понурилась.

Вера перестала надвигаться.

– Почему ты грубишь, почему издеваешься? Ты несправедлива.

– Я? – Она усмехнулась. – Враньё.

Вера вытирала крупные слезы со щек, заправляла мокрые пряди за уши и не могла понять, почему ее тело не сохнет. Заметив сочащуюся из ее запястья кровь, она испугалась, но у нее не было времени на себя. Как обычно.

– Я же стараюсь быть... я... я стараюсь делать все для тебя, – продолжала она страдальческим голосом. – Ведь у меня никого, кроме тебя, нет.

Спустя пару минут Катя, наконец, обернулась к матери. Вера оторопела: она выглядела такой зрелой! Как будто ей было не семнадцать, а...

– Теперь у тебя вообще никого нет.

И в тот же момент она снова развела руки и, оттолкнувшись от бордюра, упала.

Кажется, она очнулась от собственного крика. Но когда сознание вернулось к ней, она замолчала, пытаясь открыть мокрые от слез глаза. Она слышала чей-то шепот очень близко, чьи-то руки пытались ее успокоить. Вера не понимала спросонья, что происходит, где она находится и кто это склонился над ней.

Сначала в глаза ей бросился белый потолок, дешевая люстра; кровать плотно примыкала к стене – холодной и бетонной. А лежала она в кровати с белым бельем.

Белое, белое, все белое...

«Больница» – ударило Вере в голову, и новый приступ паники охватил ее. Но когда она приподнялась на локтях, то увидела сидящего рядом с ней Никиту. Цвет лица его был таким же, как и все в этой палате – болезненно-бледным, с темными кругами под глазами. Заметив, что она проснулась, Никита встал с кресла и приник к ней.

– Ты в порядке? Все хорошо?

– Нет, – отрывисто ответила Вера, стараясь не смотреть ему в глаза. – Почему я здесь? Что случилось?

– Ты... – Он набрал воздуха в легкие. – Ты только не волнуйся, ладно?

– Это тебе надо волноваться, – Вера сделала жест, которым хотела оттолкнуть его, хотя он и не пробовал к ней наклоняться. – Что ты здесь делаешь? Со мной?

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Я нашел тебя в ванне, вода была... кровавая.

– Что?!

– Ты резала вены. О боже, Катя, – сама эта мысль привела его в ужас, – зачем же ты это сделала!

Вера наблюдала за тем, как он, закрыв лицо руками, подошел к окну и теперь стоял к ней спиной, борясь с эмоциями. Вера только дышала и ничего не могла ответить. Она взглянула на свою перебинтованную руку, и воспоминания потихоньку стали возвращаться в ее отуманенную голову.

Зачем она это сделала, правда? Зачем? У Веры не находилось ни одного разумного ответа. Очередной импульс, которому она не смогла противостоять.

Но она оставила эту проблему, решив разобраться с другой.

– Как ты вошел в мой дом?

И Никита сразу забыл о своих муках. В замешательстве он сложил руки в кулак за спиной и принялся расхаживать из стороны в сторону по палате.

– Как-ты-вошел-в-мой-дом? – Повторила Вера с долгими паузами через каждое слово.

– Только не нервничай, Катя. Тебе нельзя.

– Это тебе было нельзя врываться в мою квартиру! Какое право ты имел?

– Я же не собирался... делать что-то ужасное, Катя!

– Откуда мне знать? Ты чужой человек.

Никита всплеснул руками, но промолчал. Сказать было нечего.

Через минуту, надеясь, что девочка успокоилась, он продолжил:

– Я беспокоился за тебя. За... за маму.

– За маму, – фыркнула Вера, но он не расслышал.

– Я должен был прийти, должен был вас проверить...

– Четырнадцать лет назад! – Прокричала она, и острая боль ударила ей в голову. Она прижалась к подушке, тихонько постанывая, досадуя, что он стоит перед ней и все видит. Ее злость возросла. – Уходи отсюда.

– Дай мне объясниться.

– Врываться в квартиру могут только... только... – Она никак не могла подобрать подходящего слова, а он, воспользовавшись моментом, поспешно заговорил:

– Но послушай. Я бы не стал так делать, сама ситуация заставила.

– Какая еще ситуация? Какие жалкие оправдания...

– Ваши с мамой соседки напротив... Я случайно позвонил к ним, да, забыл, что у вас третья квартира, а не четвертая. Так они сказали, что к вам заходила какая-то незнакомая девочка, которую они прежде не видели. Сказали, что она как вечером пришла, так там и осталась. С ключом, понимаешь? Я... пойми меня, я... я звонил, стучал. Мы втроем пытались позвать хоть кого-нибудь, так вышло, так получилось, что я случайно, да, не смотри на меня так, случайно потянул за ручку, я... боже, ты права, жалкие потуги...

И он, беспомощно взявшись за голову, рухнул на свой стул.

Вера смотрела на него задумчиво. Неужели эти соседки что-то заподозрили? Конечно, им лишь бы найти тему для сплетен!

Вера негодуяще завертела головой, представляя, что эти старые девы могли подумать. Ее всегда волновало чужое мнение, особенно сейчас, в такой ситуации.

– Прости меня. – Выдавил Никита, наконец, о котором Вера даже забыла на какое-то время. – Когда я... увидел тебя там, в воде... Пожалуйста, только без упреков и сарказма, умоляю. Я все понял, я... Я ужасен. Знаю.

Вера посмотрела на него, но без жалости. Она пока не могла проникнуть к нему радушными чувствами, рана, не та, что на руке, а там, глубоко внутри ее груди, еще сочилась. Но что-то вроде слабой веры, подобно тусклому лунному свету, пробивающемуся сквозь облака, потихоньку вставало на место холодного презрения. Злость уже не была ее тело дрожью. Она просто смотрела и ждала, что будет дальше.

Он резко поднял голову, будто его ужалила пчела, и спросил, не обращаясь к девушке:

– А где была Вера?

Она инстинктивно сжалась, натягивая одеяло до горла, как будто хотела спрятаться.

– Когда я вошел в квартиру, ее... не было. Катя... где мама?

Вера лежала, буравя взглядом какую-то точку на потолке, с ощущениями человека, загнанного в угол. Она не знала, что сказать, пока воспоминания прошлого вечера вновь не накрыли ее ледяной волной. Вера снова увидела перед глазами те безжалостные строчки, кото-

рые посмела вывести ручкой ее собственная дочь, снова содрогнулась от чувств, пережитых накануне происшествия, и поняла, зачем она резала вены.

И впервые за долгие годы Вера почувствовала нестерпимую жалость к самой себе. Теперь, когда она превратилась в подростка, она взглянула на себя со стороны, но глазами уже другой Веры, снова юной и цветущей. Она смотрела на себя, увядшую, одинокую, сутулую, вечно грустную и несчастную, никем не любимую, никем не поддерживаемую. Спазм сдавил ей грудь, и из ее горла невольно вырвалось:

– Она умерла.

Никита вскочил со стула.

– Что?! Что ты сказала?

– Мама умерла, – и она, закрыв лицо руками, повернулась к стене, сдавленно рыдая, уже не обращая никакого внимания на его присутствие. Она будто действительно оплакивала саму себя: до того больно ей было, до того обидно, что она больше не могла сохранять стойкость.

– Как... умерла?.. – Никита насупился, будто услышав что-то нелепое, однако непроверяемое. – Как? Когда?

Но, увидев, как трясутся ее плечи под одеялом, Никита понял, что вопросы его так и останутся без ответов. Да ему они, на самом деле, и не были нужны. Самого факта хватало для того, чтобы с полным опустошением внутри рухнуть обратно на стул и просидеть так в оцепенении хоть целую вечность.

Но такой страстный человек, как Никита, не мог сидеть на месте, не мог молча переживать горе, не мог мириться с неизвестностью. Он снова вскочил на ноги и шагнул вперед к кровати, орошая вопросами:

– Когда это случилось? Почему? Из-за чего? Она чем-то болела? Что же произошло, Катя, почему это случилось, как это случилось?

Но он умолк, когда осознание действительности обрушилось на него: так вот, почему девочка себя так ведет; вот, почему она сделала с собой это.

И, растрогавшись, он бросился к кровати, опустившись на колено, и нежно повернул Веру за плечо к себе. Та не сопротивилась, но скорее от неожиданности. Он увидел ее раскрасневшееся лицо, эту неподдельную скорбь, и сердце его расплавилось. Никита нашел ее больную руку под одеялом, высвободил ее и начал покрывать поцелуями, будто хотел исцелить ее забинтованные раны.

Вера, глубоко пораженная этими действиями, не могла и шелохнуться. Она просто наблюдала за тем, как этот человек, казавшийся ей после развода таким бездушным, раскрывал ей свои чувства.

Каждый страдал по-своему. Но именно это и свело их в ту минуту.

Вера, тронутая поцелуями, заплакала еще сильнее и прильнула к его плечу. Никита крепко обнял ее, лепеча какие-то утешительные слова, глядя ее по голове и плечу.

– Все будет хорошо, все будет хорошо...

И ей хотелось повторить за ним: «Да, все будет хорошо! Да!», настолько она устала от этой безнадежности, на которую, по сути, обрекла себя сама. Все обиды, всю ненависть, все мысли об отмщении, все она оставила позади, за спиной, как будто положила грудку ненужных вещей в старый чемодан и сбросила в реку, и та унесла его в неизвестном направлении.

– Забери меня домой, – не отпуская его из объятий, проскулила она, – я не хочу здесь больше оставаться.

– Хорошо, хорошо... Я отвезу тебя. – Он отпрянул от нее, чтобы, видимо, встретиться с доктором, и встал с колен. Вера схватила его за руку и, глядя ему в глаза так жалобно, что у него сжалось сердце, проговорила:

– Я не хочу возвращаться *туда*.

Вера вдруг осознала, что та Катя, которую она встретила в своем сне, была права – у нее никого не осталось. И если она сейчас вернется в эту пустую и холодную квартиру, она сойдет с ума! Ведь она надеялась, что с наступлением нового утра она вновь обратится в себя прежнюю. Но этого не случилось, а значит, не случится и потом. Она застряла в этом зачарованном мире, и ее некому было поддержать.

Вера готова была снести падение, на которое с трудом решилась.

– Я понимаю, – прошептал он. – Но... куда?

Вера прикусила губу, сдерживая подступающие рыдания. Он не понимает! Не понимает! Она не может вложить в его голову свои мысли, не высказав их прямо. Но как это сложно! Как сложно это сделать!

– Куда-нибудь, – выдавила она, – но только не туда. Не хочу.

Никита растерянно смотрел то на нее, то на ручку двери. Он в самом деле не понимал, что ему делать, но знал, что так просто оставить девочку он не мог.

– Я... надо подумать, – пробормотал он в замешательстве, – надо подумать, Катя... Я обещаю, я...

И он умолк, сам не зная, что обещал.

Вера вздохнула и перевернулась на другой бок, к нему спиной. Было ясно – помощи от него не жди. Катя права, права, права...

– Я вернусь, скоро вернусь, – сказал он и вышел из палаты.

Когда Вера убедилась в том, что осталась одна в палате, она разрыдалась так надрывно и громко, что испугалась саму себя.

Через пару дней ее выписали.

Утром того дня приехал Никита, они прогулялись по двору, а после вернулись в палату.

– Катя, – окликнул он, когда они вошли, – мне... надо с тобой поговорить.

Вера только посмотрела на него. Он понял, что она готова выслушать, но как раз в этот момент уверенность его покинула.

Никита глубоко втянул воздух носом и выдохнул шумно ртом. Еще раз прокрутив мысленно разговор, как он обычно делал, Никита сказал:

– Я редко бываю в этом городе. Ладно, – он виновато опустил глаза, рассматривая ее больничные тапки, которые ей выдала медсестра, – в последний раз я был здесь, кажется, лет пять назад. После развода с мамой я недолго здесь прожил. Завтра вечером я возвращаюсь в Петербург.

Внутри у Веры похолодело. Она невольно вздрогнула, отводя взгляд к окну.

– В Петербург, – эхом повторила она.

– Да.

– Да, ты об этом мечтал... – Проговорила она тихо, видя перед собой его молодой образ, полный воодушевления и радостного предвкушения. Сердце у нее защемило.

Никита замешкал. Порой ее поведение настораживало его: она часто говорила так, словно знала его с рождения или даже дольше.

– И... зачем ты мне говоришь это? – Ее голос предательски дрогнул, и она намеренно закашляла.

Он заломил руки за спиной.

– Я все еще обеспокоен твоей жизнью и тем, кто ее разделяет. Ты можешь не говорить мне, кто твой опекун, но просто скажи, что ты в безопасности.

Вера обхватила себя руками, шагнув вперед к окну, чтобы он видел только ее спину.

– В безопасности, – едва выговорила она.

Никита кивнул как бы самому себе.

– Я знаю, что... очень много времени прошло... и я его упустил. Но, клянусь, Катя, мне бы очень хотелось все изменить. Очень.

– О чем ты? – Вера посмотрела на него через плечо.

Он сжал кулаки, стараясь вернуть уверенность своему виду или хотя бы голосу.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Петербург. Хотя бы на летние каникулы.

Это предложение застало ее врасплох. Именно то, чего Вера никак от него не ожидала. Она снова отвернулась от него, вплотную приблизившись к окну, и уперла руки в подоконник. Мысли ее смешались, чувства сотрясали ее ослабленное тело.

Интересно, что бы ответила Катя?

О, эта несносная девчонка без всяких сомнений дала бы твердое согласие! Ни о чем не думая, никого не спрашивая, ни на что не обращая внимания, она бы пустилась в дорогу, окрыленная жаждой приключений.

Но Вера – не Катя.

И что же ответит она?

– Я тебя не тороплю. Я все понимаю, – он урвал ее из раздумий, – поэтому даю тебе время подумать.

Вера все молчала; ее взгляд приковали какие-то старички во дворе, гуляющие по дорожке.

– Я оставлю тебе свой номер телефона, чтобы ты, решив, смогла мне сообщить.

Никита не знал, может ли быть в палате ручка или хотя бы карандаш, поэтому достал собственную маленькую ручку из поясной сумки. Написав номер на одной из салфеток, лежащих на тумбочке у двери, он сказал:

– Вот номер. Пока собирайся. Отвезу тебя домой.

И он вышел из палаты.

Спустя полчаса после того, как они отъехали от больницы, Никита продолжил разговор, который пытался так неуклюже начать.

– Хорошо бы было, конечно, все же навестить психиатра.

– Ты считаешь, я чокнутая? – Спросила она отрывисто.

– Я этого не говорил, – спокойно сказал Никита.

– Но имел в виду.

Никита понял, что допустил ошибку, и теперь не знал, как ее исправить.

– Нет, Катя, конечно, нет. Не хотел тебя обидеть.

– Не надо было, тогда, вообще этого говорить, – процедила она, сердито скрещивая руки на груди и отворачиваясь к окну.

Так Никита понял, что собственноручно лишился возможности наладить с дочерью отношения.

Что касается Никиты, то ему сложно было предложить Вере эту поездку. Он колебался из-за ее непредсказуемого характера; он не знал, какой реакции следует ждать от девочки. Завопит, что он бессовестный? Или гордо вскинет голову, примет самоотверженную позу и самым пафосным тоном, каким только могут разговаривать эти юные защитницы собственных еще неразвитых личностей, откажет ему наотрез.

Но она промолчала. Она вообще ничего не сказала.

И поэтому мысли Никиты в дороге были заняты только этим. Если она согласится, то как их отношения будут развиваться в дальнейшем? И будут ли вообще развиваться? Что, если эта поездка ничего не изменит? Что, если она пожалеет?

А если она так и не согласится?

Однако стоит заметить, что Никита, как бы не противился этому чувству, а все же в глубине души своей, в тех ее чертогах, куда сложно было проникнуть постороннему взору,

надеялся, что она примет отрицательное решение. Он думал, будет ли она готова к этому, но о себе-то он подумал? Готов ли он к такому серьезному шагу сейчас, если четырнадцать лет назад путь к ответственности для него был перекрыт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.